

Чингиз Айтматов среди женщин родного села Шекер

— Чингиз Торекулович, ваш роман «И дольше века длится день» принес в русский язык термин «манкуртизм». В «Плахе» вы первым из писателей СССР заговорили о наркомании. В «Тавре Кассандры» — о гуманитарных последствиях клонирования, за много лет до появления клона человека. Чего нам ждать от вашей следующей книги?

— Я не осмелюсь сказать в данный момент: уже немножко стал суеверным. Работа в качестве посла Киргизии в Евросоюзе буквально пожирала все мое время. Мои начинания остаются лишь начинаниями. Когда-то я дал в прессу отрывки из недописанной книги «Богоматерь в снегах». С тех пор читатели меня спрашивают: «Где же ваша «Богоматерь»? Я им отвечаю: «А в снегах. Как была там, так и остается». И это для меня — самая большая драма: замыслы существуют, как живые, а осуществить не удается.

— Для вас сейчас дипломатия настолько ценнее литературы, что вы не можете взять таймаут, чтобы создать новый роман?

— Теоретически мне ничто не мешает это сделать. Но существует практика жизни, ее прагматизм. Если прежде книга издавалась трехмиллионным тиражом и можно было жить даже с тогдашних низких гонораров, то теперь за пять — десять тысяч тиража получаешь соответственно. И человек живет в повседневном бытии, у него семья...

— Работа посла для вас лишь способ зарабатывать деньги?

— Не только это. В дипломатию я был включен в связи с тем, что возникли новые независимые государства, которые не имели своих представителей для внешнеполитической работы. Это — с одной стороны. С другой же — в этой работе мною движет чувство патриотизма. Европу я более-менее знаю — особенно Германию, Францию, где мои книги издаются и переиздаются. И это помогает моей дипломатической службе.

— Если бы новый закон о русском языке был принят, вы были бы готовы отказаться в своем творчестве от иностранных слов — например, «космос», «экология», «гуманизм»?

— Перипетии, волею парламента России возникшие вокруг русского языка, безразличными меня оставить не могут. Я уже пережил подобное в Киргизии, когда в начале 90-х там пробовали ввести запрет на слова вроде «радио» — но, слава Богу, тоже вовремя одумались.

— А как по-киргизски будет «радио» или «телевидение»?

— В дословном переводе «радио» будет «взять звук», «телевидение» — «взять изображение». Для поэзии это, может быть, и хорошо. Но ведь то же «радио» уже интернациональный термин для любого языка. И надо стремиться к тому, чтобы таких общих знаменателей в современном мире было больше.

Каждый язык должен стремиться к интеграции с другими языками. Русский в этом смысле служит как раз такой интеграции: мы в СНГ, к нему примыкая, как бы выходим на дальнейший простор.

«Если уж перед кладбищем мы не можем друг другу дорогу уступить — что говорить о жизни?»

Писатель, философ и дипломат

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ, посвятивший себя идеалам гуманизма, переживает их кризис перед лицом новой войны

БОГОМАТЕРЬ ОСТАЕТСЯ В СНЕГАХ

Моск. новости — 2003 — 24 севт. — с. 19.

— Похоже, вас можно назвать поборником глобализации?

— Да, пожалуйста! Этого термина я не боюсь.

— А антиглобалистов?

— Тоже. Я им немножко сочувствую: они пока не разобрались в процессе глобализации как в новом этапе мировой истории. Безусловно, в ней есть попытка покорить новые рынки, подчинить сложившиеся и извлечь из всего этого выгоду. Но глобализация — это еще и необходимость входить в общемировую цивилизацию, невзирая на разницу в идеологиях и религиях. Не войдем — останемся странами третьего мира. Даже, может быть, четвертого или пятого. Независимо от того, в малых или больших странах мы живем.

— Видите ли вы преграды на пути вашей страны к глобализации по западной модели? Например, влияние Китая...

— Китай — материк отдельный и самодостаточный. Но влияние этого материка как мирового фактора я не ощущаю даже на фоне непосредственного соприкосновения с ним. От Бишкека до Москвы — во много раз дальше, чем до Пекина. Но та же Москва нам жизненно необходима. Мы вместе — часть евразийской модели мышления.

— Евразийство — понятие крайне спорное.

— Верно. Но даже при этом наша общая евразийская сущность существует. А Китай... Ну, например, висит огромная, грандиозная картина. Ты можешь на нее смотреть, восхищаться, но не жить в ней.

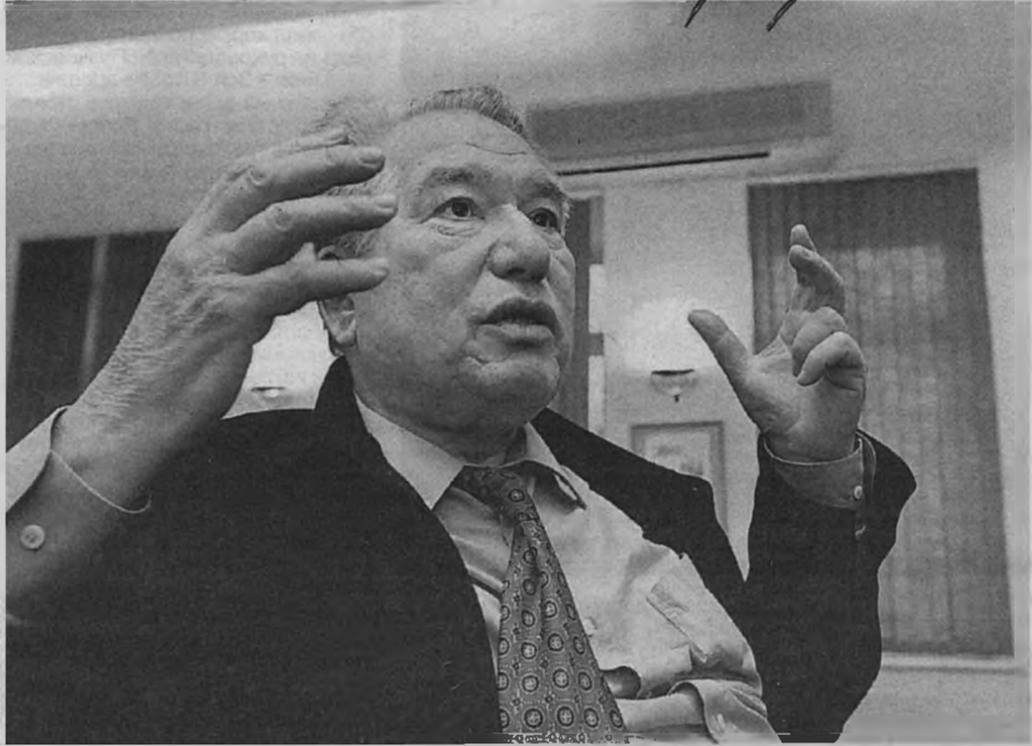
По своему опыту знаю: мои книги издаются и в России, и в Китае — но я не знаком с отзывами на мое творчество с той стороны Великой Китайской стены. Может быть, они и есть, как частные случаи. Но для нашей культуры — я имею в виду не только Киргизию, а вообще весь регион, — до сих пор важно включиться именно в российский орнамент. А с Китаем нас ничего не связывает. Странно, правда? Ближайший сосед — и не связывает. Но это так.

— Не бойтесь, что, когда в Китае будет не полтора, а два миллиарда людей, эта связь проявится на условиях экспансии?

— К тому времени мир должен выработать определенные законы существования малых и великих наций — чтобы никто никого не поглощал. То, о чем я говорю, лишь мое личное представление, моя утопия. Но если мы не придем к этому пониманию, то получится общая масса под одной линейкой. От чего не выиграет никто. В этом плане модель Евросоюза — наиболее оптимальная и достойная форма сожительства разных стран, языков, культур. Благодаря Евросоюзу Европа живет без войн более полувека.

— А югославские конфликты вы за войны не считаете?

— Это другой вопрос. Югославия никогда не входила в Евросоюз: она окраина Европы. Если бы тот же Милошевич не давал повода к войне, то ее бы не было; а повод им был дан. И теперь рассуждать на тему: «Надо было бомбить или не надо» — поздно. Конечно, югославская проблема в какой-то степени отягощает жизнь Европы и мира. Но тем не менее Евросоюз позволяет рассчитывать на то, что такие же континентальные сообщества

«Нельзя допустить, чтобы догматизм привел к смерти»

На съемках фильма «Восхождение на Фудзияму»

появятся и в других частях планеты.

— В одном из интервью после событий 11 сентября вы говорили, что мир должен одуматься и вернуться к гуманистическим ценностям. Однако, похоже, мир идет в другую сторону. Не думаете ли вы, что гуманистическая доктрина потерпела крах?

— Вы имеете в виду Ирак? Надо подходить к этому вопросу двусторонне. В Америке гуманизм такой: «Деваться некуда, надо бить Ирак — но будем стараться убивать поменьше». Конечно, здесь наносится удар по гуманистической доктрине. Но и Ирак не идет на компромисс: там тоже готовы «мочить». Настоящая суть общечеловеческих ценностей в том, чтобы приоритет гуманизма преобладал и с той, и с другой стороны. А когда с обеих сторон начинается нагнетание ненависти...

— Кажется, в этом случае не

прав тот, кто начинает войну.

— Возможно. Но и тот, кто постоянно дает повод к нападению, тоже находится не в лучшем положении. Надо, чтобы абсолютно все страны отказались от насилия, отступили от него, но никто же на это не идет. В Ираке даже студенты — казалось бы, мыслящие люди — ходят с лозунгами вроде «Саддам или смерть!».

— Значит, жители Ирака заслужили смерть?

— (Пауза) Нет. Нельзя допускать, чтобы их догматизм привел к этому.

— А у вас нет ощущения, что ваша миссия как гуманиста близка к провалу?

— Если бы только моя — было бы полбеда. Гуманистические ценности переживают общий кризис. Что, прежние писатели, которые провозглашали те или иные свои видения в гуманистическом плане, сейчас идут на расхват? Я читал, что некая пи-

досье "МН"

АЙТМАТОВ Чингиз Торекулович, р. 1928. Сын партийного работника, расстрелянного в 1937 году. В разное время был зоотехником, корреспондентом «Правды», главным редактором журнала «Иностранная литература». Автор романов и повестей «Джамиля», «Белый пароход», «Прощай, Гульсары!», «И дольше века длится день», «Плаха», «Тавро Кассандры» и др. С 1990 года — на дипломатической работе: посол СССР (позже — Кыргызской Республики) в Люксембурге, ныне — Чрезвычайный и Полномочный Посол Кыргызстана в странах Бенилюкса и Франции. Несколько лет назад Чингиз Айтматов по результатам опроса общественного мнения вошел в первую тройку влиятельных политиков Кыргызстана, где продолжает пребывать и по сей день.

сательница-детективщица за книгу о Джеке-Потрошителе получила аванс в девять миллионов долларов: вот что в наше время нужно. Да и религии современные сейчас вознеслись и слишком горделиво себя ведут. Кризис религиозного сознания — я не выделяю ислам, христианство и т.д. — уже наступил. В этом я убежден.

— Когда лично вы это поняли?

— В прошлом году. Когда в одном из селений Киргизии умер человек, перешедший из ислама в другую веру, — и родственникам, несшим его на кладбище, преградила дорогу бешеная, яростная толпа местных мусульман. И пришлось родственникам везти покойного за сотни километров, хоронить его там. Если уж перед кладбищем мы не можем друг другу дорогу уступить — что говорить о жизни?

Юрий ВАСИЛЬЕВ